

Авторские пояснения

Несколько недель назад вышла моя книга **«Как нам понимать свою страну. Русская идея и российская идентичность: прошлое, настоящее, будущее»**: М., ArsisBooks, 2014, 96 с. В этой работе представлен оригинальный словарь ключевых терминов: «национальная идея», «россиеведение», «патриотизм» и др.; обоснована востребованность внесистемной социальной науки, продолжающей традицию диссидентства; в краткой форме изложена социально-философская концепция российской цивилизации.

В сжатом виде концепцию можно свести к нескольким тезисам.

- История нашей страны — это история государства, разделенного во времени. Советский Союз, по выражению А. Солженицына, соотносится с исторической Россией как убийца с убитым. Два этих государства несовместимы так же, как несовместимы Третий Рейх и ФРГ, Северная и Южная Корея... В книге показано, в чем заключался и почему произошел разрыв.

- Тысячелетняя история досоветской России — это **история великого созидания**, история страны, вступавшей в XX век с ориентацией и шансами на мировое лидерство.

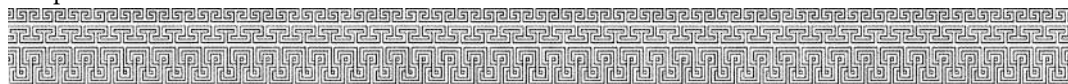
- История Советского Союза — это, прежде всего, **история народного Сопротивления** тоталитарному квазигосударству. По словам того же А. Солженицына, XX век Россия проиграла.

Обобщенную оценку прошлого дополняет понимание: как до, так и после 1917 года у нас были и ошибки, и достижения.

- Нынешняя Россия официально объявлена правопреемницей СССР и потому является наследницей советской болезни. Преодоление наших проблем находится на пути отказа от советчины и преемства с исторической Россией, которое должно происходить с учетом мирового и западного опыта.

Каждый из представленных тезисов раскрывается в книге в публицистической форме. В альманахе «Золотое Руно» читатель может познакомиться с разделом, анализирующим постсоветское двадцатилетие.

ЧАСТЬ V. ПОСЛЕ ПОЛУРАСПАДА СОВЕТСКОГО РЕЖИМА РОССИЯ БЕЗ ИДЕИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

(Против постсоветской системной социальной науки)

*Нас никому не сбить с пути,
Не знаем мы куда идти.*

Современная частушка

*В хорошую погоду всякий Россию
любит, а ты ее и в плохую люби.*

Л. Леонов

Провал августовского, 1991 года, путча и распад советского государства привел к полураспаду советской системы. Исчез, словно и не было его никогда, миф-обещание о строительстве коммунизма. Но сами мифотворцы — самоназначаемый слой чиновников — пройдя некоторую чистку, сохранили прежние кресла. Новые номенклатурные рекруты работают по модернизированным старым правилам.

Крах старой идеологии актуализировал проблему российской самобытности, российской системы ценностей. Рассуждая формально, у страны есть три способа обретения идентичности.

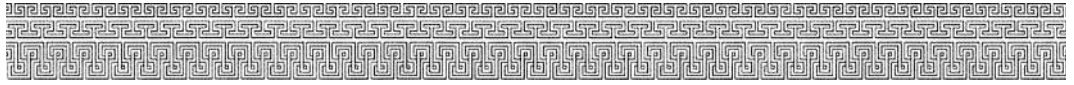
Новая Россия может, наступив на старые грабли, объявить себя уменьшено-улучшенным изданием СССР. Есть такая партия, и есть поддерживающие ее избиратели.

Другой вариант — считать всю свою историю, и советскую и досоветскую, неправильной и начать догонять **Запад**. Разного рода СПСы и «Правые дела» пытались реализовать этот «проект», но заканчивалось всегда распадом самих партструктур.

Третий вариант следует из проделанных автором рассуждений: преемство с **исторической Россией**. Преемство учитывает западный и советский опыт, сознает, что русская идея должна быть модернизирована, но исходит из того, что **основой идентичности должна стать исторически обоснованная, собственная система ценностей**.

А что происходит на практике? Постсоветская идентификация строится на двух несочетаемых началах. С одной стороны, **РФ официально объявила**

о правопреемстве с СССР, что исключает переход к правовому, демократическому государству.

Как модернизируют коммунистическую идеологию. Миф о коммунизме имел в СССР разное звучание. Время *«великих Ленина и Сталина»*, продолжавшееся до начала 50-ых годов, было впоследствии урезано до мифа *«о великом Ленине»*. В постсоветской России коммунистическая мифология сохраняется в виде аксиомы *«о великой победе»*. При этом реальная история Отечественной войны остается недоступной, упрятанной в архивах, а тех, кто ищет правду, власти обещают строго наказывать. Основным смыслом сохраняемого по сей день сталинского мифа о войне не предполагает даже вывод о недопустимости насилия. Его цель в другом. **В первую очередь, внушить гражданам, что советская власть права (ведь победили), что нынешняя власть — продолжательница той и, значит, тоже права. Другая задача — компенсировать рухнувший миф о «советском народе».** Я уже писал о всеохватной (ком) идеологической пирамиде, основанием которой был *«советский»* народ. Миф о войне тоже должен играть роль общего знаменателя. Формально его всеохватность достигается через ритуально-обязательное осуждение нацизма (а с этим, кроме А. Миграняна, никто не спорит), но фактически думские законодатели запрещают подвергать критике любые действия властей в период войны. Запрет на знание и анализ собственной истории (причем не только во время ВОВ), на выводы из огромного количества допущенных сталинизмом трагических ошибок и преступлений спасает остатки советской идеологии, лишая Россию будущего. Он останавливает время, зажимая национальное самосознание в тоталитарных тисках прошлого.

Опора на **советскость** является главной, но ее подстраховывает мобильная подставка из шести составляющих: госруководители объявляют страну то *российской*, то *антироссийской*, то *советской*, то *антисоветской*, то *западной*, то *антизападной*. Этот винегрет, включая антисоветскую составляющую, необходим для спасения в новых условиях прежней советской идентичности. (Ведь еще Н. Хрущев критиковал Сталина ради спасения сталинщины.) Нынешний режим — почти православный, но взорвавший Храм Христа Спасителя Сталин упокоен на Красной площади, советский гимн «дополняет» российский флаг, власти категорически «против» планов Грузии и Украины вступать в НАТО, но «за» базу НАТО под Ульяновском... Набор «высших и вечных истин» постоянно ротируется.

Идентификационная карусель создает новые возможности для номенклатуры. Постоянно меняя правила, она освобождает бюрократию от ответственности. Государство без идентичности лишено стратегии (это вам не подорвавшая СССР мина «коммунизм в 1980 году»). Конечно, про «программу 2020», проект Сколково, «удвоение ВВП», квартиры для ветеранов или про «25 миллионов новых, современных рабочих мест» сказать можно, но спустя год об этом следует забыть и в СМИ не упоминать.

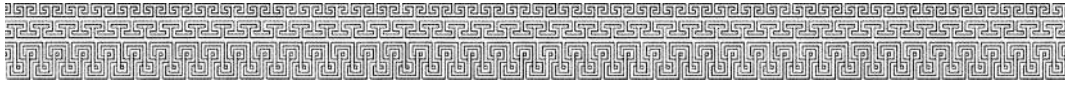
«Идентификационный винегрет» позволяет номенклатуре не обременять себя государственными задачами и сосредоточиться на действительно важном: на удержании власти и денежных потоков. И здесь позиция политического флюгера — самая эффективная. В день 70-летия катынского расстрела польских офицеров президент Путин встал перед телекамерами на колени и послал ожидаемый западом сигнал: «это преступление сталинщины». А в годовщину битвы на Волге россияне узнали, что Волгоград опять стал Сталинградом, а Сталин — главнокомандующим армии победы... Когда в марте 2014 года российские военные входили в Крым и обеспечивали проведение «референдума», по официальной версии их там не было. А когда «референдум» прошел, оказалось, что их присутствие было необходимо и оправдано...

Квазиидентичность и общественная дискуссия. Отказ от выявления государственной идентичности определяет характер полемики, идущей в СМИ. В разных странах вопросы тактики и стратегии обсуждают, чтобы прийти к каким-то выводам, утвердить четкие принципы и итоги. После долгого обсуждения Европа пришла к заключению, что Холокост действительно имел место, и оспаривать этот факт стало недопустимо. Нюрнберг доказал немцам, что нацизм — страшное преступление, украинская дискуссия пришла к выводу, что голодомор 1932–33 годов — это геноцид...

Иначе проходит обсуждение в российских СМИ (парламент у нас не место для дискуссий, как больница — не место для лечения). Планы единороссов страна принимает молча, стратегические вопросы, например, о расширении Москвы, об увеличении военного бюджета, о вводе войск на территорию другого государства — не предмет общественной полемики.

Зато самые принципиальные, ключевые проблемы — тема достаточно свободного обсуждения. Что является главной геополитической катастрофой — распад СССР или разрушение Российской империи? 70 советских лет — это высшее достижение нашей цивилизации или страшная беда? Сталин — ве-

ликий вождь или опасный преступник? Эти *дискуссии идут, но власти за-прещают ставить в них точку, обсуждение не разрешается завершить. Так создан и работает механизм разрушения национальной памяти, национального опыта, уничтожения собственной истории.* Постсоветская цензура лишает дискуссию смысла и накладывает невидимое табу на определение российской идентичности!

Человек в государстве без идентичности. Об идентификационной непрозрачности задумываются немногие, считая эту тему абстрактной, далекой от реальности. Но на практике, защищая постсоветскую бюрократию, квазиидентичность порождает глубокие проблемы в повседневной жизни обычных людей.

Винегрет ценностей ведет к отказу от нормальной социальной активности. Поскольку характер и природа российской цивилизации теперь не фальсифицируются, как в советские времена, а вообще *не выявляются*, в языке возникло множество синонимов, обозначающих гражданскую индифферентность. От молодежи можно услышать: мне до лампочки, до фонаря, по барабану, фиолетово, перпендикулярно, параллельно... Причем подобные высказывания имеют двойкий смысл: с одной стороны, они обозначают асоциальность, с другой — это своеобразный сигнал, показывающий: «я свой, я такой как большинство».

Состояние социального безучастия, в конечном счете, обесмысливает человеческую жизнь. Количество суицидов в современной России превышает все европейские показатели. Число уезжающих из страны выше количества беженцев в годы Гражданской войны. Характерно, что единственным русским словом, вошедшим в наш лексикон за последние 20 лет, стало слово «беспредел».

Отсутствие идентичности проявляется и в том, что после распада СССР мы не нашли форму обращения друг к другу. Назовешь встречного «товарищ», он подумает, что его обижают, обратишься «господин» — решит, что над ним подсмеиваются. Индикатором абсурда стал ответ вице-премьера Д. Рогозина на американские санкции против российских чиновников: в своем Твиттере он написал «...товарищ Обама из Вашингтонского обкома...»?!

Для того, кто вынужден принимать существующие правила, жизнь превращается в стресс. В действующей квазисистеме нет ни героев, ни антигероев. Но поскольку постсоветскому государству приходится создавать разного рода иерархии — начальников и подчиненных, специалистов и некомпетент-

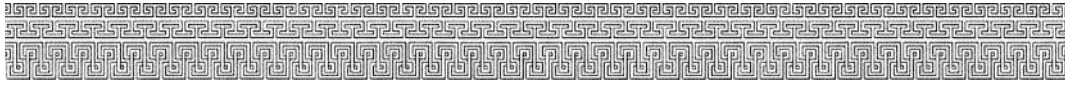

ных, великих и заурядных, — эти иерархии сплошь и рядом оказываются фальшивыми. Вы обращаетесь к руководителю, который ничего не может решить, спрашиваете у специалиста, который ничего не знает (мелкая иллюстрация — сюжет с «диссергейтом»), приветствуете прославленного, но вблизи он оказывается фейком.

Отсюда фиксируемый социологами повышенный уровень агрессивности, характерный для большинства россиян (в сравнении с жителями других европейских стран). А сверхагрессия делает востребованным чрезмерный гедонизм, главные телеканалы вынуждены с утра до ночи развлекать зрителя, уводить от серьезных проблем. Повышенная агрессивность снимается повышенным потреблением спиртного, гипернаркотизацией. Так замыкается круг русской Катастрофы — по смертности нет нам равных в Европе.

Внешняя политика и постсоветская Россия. Крах советской псевдоидентичности и неспособность восстановить российскую идентичность завели в тупик внешнюю политику. В сложившейся ситуации не может быть восстановлена традиционная для исторической России *ориентация на славянские страны*. Болгария, Сербия, Хорватия, Чехия вступили или вступают в ЕС и не становятся нашими союзниками. Не получает поддержку политика России и в *странах православного мира*. Греция, Румыния, Грузия, Молдова скептически относятся к курсу Кремля. Отказ от демократической ориентации вытолкнул Россию из *клуба западных демократий*. Государство, не называющее и не устраняющее причины собственного кризиса, распалось уже трижды: с приходом большевизма распалась историческая Россия; через 70 лет распался СССР; а теперь практически прекратила существовать его «обновленная форма» — СНГ. Преемство с советской квазигосударственностью приводит к тому, что «друзьями» страны объявляются те, кого остальной мир считает изгоями: всяческие Каддафи, Хусейны, Януковичи, Лукашенко и прочие. Те же, кто возглавляет наиболее успешные страны, объявляются виновниками российских бед и проблем.

Номенклатура и «биохимия предательства». И советская, и продолжающая ее постсоветская государственность порождают множество проблем, но госруководители стремятся сохранить власть пожизненно и потому освобождают себя от критики. (*Историческая Россия жила по принципу Екатерины II: если подданные недовольны, виноват всегда государь.*) В результате, за неправильный курс отвечает сам народ. В разные периоды виновных назы-

вали по-разному: сначала все портили контрреволюционеры, потом враги народа, мешали делу космополиты, антисоветчики, диссиденты, неформалы... Ну а теперь, когда изо всех щелей вылезли экстремисты, иностранные агенты, национал-предатели и пятая колонна, бороться за светлое будущее власти приходится из последних сил. Подобная практика неизвестна ни одной нормальной стране. И до тех пор, пока врагом народа будет оставаться сам народ, пока Россия не перейдет к ротация и ответственности политического класса, мы будем жить в угасающем государстве.

Российский социально-экономический прорыв сменила после 1917 года деградация и отставание. Только к 1929 году СССР по уровню ВВП вышел на показатели Империи 1914-15 годов. Что же касается нынешнего положения экономики, то, по одним данным, мы не достигли, по другим — едва превысили уровень 1991 года! Сохранение советско-постсоветской системы не позволяет преодолеть отставание как «народно-номенклатурного» хозяйства, так и других сфер российской жизни.

Есть ли выход?

*В данной главе изложена собственная концепция автора,могущая не совпадать с точкой зрения членов редколлегии.

